

УСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Олга В. Ланская
(Литецк, Русия)

В статье рассматриваются особенности устной коммуникации в творчестве Л.Н. Толстого. На примере эпизодов из произведений «Юность» и «Война и мир» автор показывает, что устная коммуникация в художественном тексте фиксируется через диалог, номинации с семантикой 'чувство', 'жест', 'настроение говорящих', 'место действия', ключевые слова, а также слова, которые в среде посвящённых имеют особое значение и восходят к противопоставлениям «свой – чужой», «понимание – непонимание».

По-особому в процессе устной коммуникации выстраивается пространство дома, характеризуются герои и их взаимоотношения в семье.

*Посвящаю моему учителю
– Семёну Теодоровичу Вайману*

Как известно, общение составляет «важную черту человеческого общежития, человеческой жизни и социальной психологии» [1, с. 421]. Существуют разные виды общения, и один из них – это когда «люди могут общаться, непосредственно видя друг друга и разговаривая» [1, с. 456]. При этом «процесс речи характеризуется определённым темпом, продолжительностью, тембровыми особенностями, степенью громкости, артикуляционной чёткости, акцентом и т.п.» [2, с. 414]. Необходимо учитывать и то, что «речь может быть охарактеризована через указание на психологическое состояние говорящего, его коммуникативную задачу, отношение к собеседнику, искренность, по признакам своей формальной и смысловой структуры» [2, с. 414].

В произведениях Л.Н. Толстого общение по-особому характеризует пространство дома, раскрывает взаимоотношения, сложив-

шиеся в семье. Так, в повести «Юность» пространство дома определяется ключевым словом *понимание* в значении «брат» [3, т. I, с. 311], «возьму» [3, т. III, с. 326], что свидетельствует об особой близости между отдельными членами семьи, отцом и сыновьями: «<...> существует частная, более или менее развитая в различных кружках общества и особенно в семействах, способность, которую я назову *пониманием* (курсив Л.Н. Толстого. – *О.Л.*)» [4, 1: 280]. Слово *понимание*, с точки зрения автора, создаёт особый мир дома. Сущность данной лексической единицы раскрывается через синтагмы *в условленном чувстве меры* и *в условленном одностороннем взгляде на предметы* [1: 280]. При этом синтагма *в условленном одностороннем взгляде на предметы* используется в значении «общая точка зрения», слово *условленный* через слово *условие* – в значении «уговоръ или договоръ, обоюдное согласие» [5, т. IV, с. 512].

Понимание, одинаковое восприятие людьми окружающей действительности предполагает диалогичность. Отсюда использование в тексте синтагм *два человека, оба вместе, для людей с одним пониманием, между папа и нами, братьями, одинаково для обоих* [1: 280]. Для людей, которые понимают всё одинаково, предполагается совмещение пространства и времени (*всегда до одной и той же точки; в одну и ту же минуту* [1: 280]). Исходная точка этого предполагаемого совмещения – чувство, которое реализуется во фразе. В связи с этим в лексико-тематическую группу «понимание» входят номинации с семой ‘чувство’, восходящие к противопоставлению «люди с одним пониманием – люди с другим пониманием»: «Два человека одного кружка или одного семейства, имеющие эту способность, всегда до одной и той же точки допускают выражение чувства, далее которой они оба вместе уже видят фразу: в одну и ту же минуту они видят, где кончается *похвала* и начинается *ирония*, где кончается *увлечение* и начинается *притворство*, – что для людей с другим пониманием может казаться совершенно иначе» [1: 280].

В эту же группу входят определения *смешной, красивый, грязный* (в значении «непристойный»), «вызывающий моральное отвращение» [6, т. I, с. 354]), которые, характеризуя один и тот же

предмет, приобретают сему 'общая точка зрения': «Для людей с одним пониманием каждый предмет одинаково для обоих бросается в глаза преимущественно своей *смешной*, или *красивой*, или *грязной* стороной» [1: 280].

В лексико-тематическую группу «понимание» входят также и номинации, с помощью которых понятие реализуется в языке и речи: «Для облегчения этого одинакового понимания между людьми одного кружка или семейства устанавливается свой *язык*, свои *обороты речи*, даже – *слова*, определяющие те оттенки понятий, которые для других не существуют» [1: 280]. То есть номинация *понимание* реализуется соответственно через следующую схему: «**чувство** → **язык + обороты речи + слова, имеющие особые оттенки, + употребление слова в определённой форме + интонация + выражение лица говорящего + содержание разговора + на­мёки + жест**». Основными элементами при определении значения слова, с точки зрения повествователя, являются следующие элементы: выражение лица говорящего и содержание разговора. При этом необходимо обращать внимание и на жест, так как «жестовое поведение <...> окрашивает и логически дописывает...словесное поведение» [7, с. 209], делает его наиболее значимым.

Раскрывая значение слова *понимание*, повествователь приводит ряд примеров: «*изюм* означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги. *Шушка* (причём надо было соединить пальцы и сделать особенное ударение на оба *ш*) означало что-то свежее, здоровое, изящное, но не щёгольское; существительное, употреблённое во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т. д., и т. д.»; «Володя, который, верно, слышал наш разговор (о любви. – *О.Л.*) вдруг приподнялся на локте и вопросительно прокричал:

– *Катенька! Русских?*

– Вечно вздор! – сказала Катенька.

– *В перешницу?* – продолжал Володя, ударяя на каждую гласную. И я не мог не подумать, что Володя был совершенно прав» [1: 280–281]. Номинации *русских*, *в перешницу* полностью утратившие значения, зафиксированные в словарях, в тексте приобретают значения «отсутствие серьёзности», «презрение», «насмешка»,

«пренебрежение», «отношение к девочкам»). Такие же значения приобретают номинации *булка*, *капуста*, *поехали*, синтагма *ком си три жоли*: «Когда им (девочкам. – *О.Л.*) случилось обращаться к нему (к Володе. – *О.Л.*) с каким-нибудь серьёзным вопросом <...> он делал им гримасу и молча уходил или отвечал какой-нибудь искорверканной французской фразой: *ком си три жоли* и т. д., или, сделав серьёзное, умышленно глупое лицо, говорил какое-нибудь слово, не имеющее никакого смысла и отношения с вопросом, произносил, вдруг сделав мутные глаза, слова: *булку*, или *поехали*, или *капусту*, или что-нибудь в этом роде» [1: 278]. То есть слова, выделенные автором в тексте курсивом и утратившие лексическое значение, зафиксированное в словарях, выполняют особые функции: раскрывают отношения между членами семьи, характеризуют героев (Володю и Николеньку), их восприятие мира, общность взглядов. Данные лексические единицы, с одной стороны, восходят к противопоставлению «свой – чужой»; с другой – приобретают семы ‘общность’ и ‘единство’.

В лексико-тематическую группу «понимание» входят также синтагмы *милая мамаша* и *chère maman* (*дорогая мамаша*) [1: 323–324], которые в тексте также утрачивают своё лексическое значение, что зафиксировано номинациями с семами ‘действие’, ‘поведение’, ‘внешний вид’: «Как только она (Авдотья Васильевна. – *О.Л.*) вышла из кареты, Володя, *сделав серьёзное лицо* и *мутные глаза*, *расшаркиваясь* и *раскачиваясь*, подошёл к её руке и сказал, как будто представляя кого-то:

– Имею честь поздравить с приездом милую мамашу и целовать её ручку» [1: 323]. При этом в прямой речи представлены синтагмы, которые имеют разные стилистические пометы: *мамаша* – разговорное; *имею честь поздравить* – учтиво-официальное приветствие, устаревшее (см. *честь имею кланяться* [6, т. II, с. 54]). Синтагмы *милая мамаша* и *chère maman* (*дорогая мамаша*) в тексте обозначают «отсутствие всяких отношений» [1: 323] между мачехой и пасынками, а также «неуважение».

По-особому отношения в семье складываются и у героев романа Л.Н. Толстого «Война и мир», что также находит отражение в устной коммуникации. Так, в главе XI части первой тома I в эпизоде,

который условно можно назвать «Разговор в диванной», описаны взаимоотношения молодых Ростовых, особое отношение в семье к Вере. В лексико-тематическую группу «непонимание» входят номинации с семами 'действие', 'чувство', 'настроение', 'пространство', 'вещи', 'время': «– Сколько раз я вас просила, – *сказала* она, – не брать моих *вещей*, у вас есть своя *комната*. – Она *взяла* от Николая *чернилницу*»; «– Вы все умеете делать *не вовремя*, – *сказала* Вера. – То *прибежали в гостиную*, так что всем *совестно* *сделалось* за вас» [4: 60]. Местоимения *моих* и *своя*, вступая в тексте в антонимические отношения и восходя к противопоставлению «свой – чужой», фиксируют разногласия, которые существовали в семье Ростовых. Вера в этот момент совершенно не понимает Наташу, Николая, Соню и Бориса. Её речь назидательна, полностью лишена такта и уважения к своим собеседникам. Волнует её только внешнее соблюдение приличий. В связи с этим ключевыми словами в её речи являются слова *глупости* и *глупо* («– И какие могут быть в ваши года секреты между Наташей и Борисом и между вами, – все одни *глупости*»; «– Очень *глупо*, – *сказала* Вера, – мне *совестно* на вас» [4: 60]), которые через слово *глупый* имеют семы 'глухой' и 'испортить' [3, т. I, с. 416 – 417].

По В.И. Далю, *глупость* – это «свойство глупаго; // самое дѣло: глупый поступокъ, речь, дѣло» [5, т. I, с. 358]. *Глупый* – это «безразсудный, безтолковый, неразумный, нераздудливый» [5, т. I, с. 358]. При этом слово *совестно* связано с упоминанием «о чувстве стыда, неловкости, испытываемом кем-либо» [6, т. IV, с. 174]. Если в Словаре В.И. Даля слово *совестно* восходит к слову *совесть*, которое обозначает «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство въ человѣкѣ; внутреннее сознание добра и зла; тайникъ души, въ которомъ отзывается одобрение или осуждение каждаго поступка» [5, т. IV, с. 256] и т.д., то в тексте данная лексическая единица утрачивает перечисленные значения и отражает лишь точку зрения на происходящее Веры, которая считает, что необходимо предельно точно исполнять те правила, которые приняты в светском обществе. Отступление от них вызывает чувство неловкости и раздражения. Отсюда использование в тексте синтаксических единиц *всем совестно* *сделалось* и *мне совестно*.

Особое значение приобретает в тексте и слово *дипломат*, которое в Словаре В.И. Даля толкуется как «человѣкъ тонкій, скрытный, изворотливый» [5, т. I, с. 437]. Так, когда Борис попробовал заступиться за свою подругу, которую Вера обвиняла в том, что она слишком вольно ведёт себя с Друбецким, Наташа сказала: «– Оставьте, Борис, вы такой дипломат (слово *дипломат* (курсив Л.Н. Толстого. – *О.Л.*) было в большом ходу у детей в том особом значении, какое они придавали этому слову» [4: 60 – 61]. Можно предположить, что слово *дипломат* обозначало человека благовоспитанного, обладающего хорошими манерами и умеющего найти общий язык со всеми и в любой ситуации. Данная лексическая единица в тексте приобретает семы ‘заступник’, ‘понимание’, ‘единение’, ‘язык детей в одной семье’, ‘отсутствие искренности’.

Особое значение имеет в тексте и прозвище, данное Вере, – *madame de Genlis*: «– Ты этого никогда не поймешь, – сказала она (Наташа. – *О.Л.*), обращаясь к Вере, – потому что ты никогда никого не любила; у тебя сердца нет, ты только *madame de Genlis* (это прозвище, считавшееся очень обидным, было дано Вере Николаем), и твое первое удовольствие – делать неприятности другим» [4: 61].

Само слово *madame* в Словаре В.И. Даля имеет следующее толкование: «иностранка, особ. француженка, при дѣтяхъ, воспитательница, гувернантка» [5, т. II, с. 288]. То есть данная лексическая единица приобретает семы с отрицательной коннотацией: ‘возраст’, ‘воспитатель, который не пользуется уважением’, ‘посторонний человек’, ‘скучный, неинтересный человек’, ‘человек, способный на некрасивый поступок’, ‘лицемерие’, ‘показанная мораль’. Наличие перечисленных сем подтверждается сведениями из Словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона о французской писательнице Жанлис: «Въ нѣкоторыхъ изъ ея произведеній преобладаетъ якобы “моральный” интересъ, въ другихъ – якобы историческій; но моральныя заглавія и нравоучительныя сентенціи не мѣшали ей рисовать, при случаѣ, довольно фривольныя положенія и картины» [8, с. 720]. Известно также, что «как человекъ Жанлисъ была далека отъ того ореола строгой нравственности, которымъ она пыталась окружить себя подь старость» [8, с. 721].

Прозвище *madame de Genlis* характеризует и самого Николая Ростова как человека, который был знаком с популярными в начале XIX века литературными произведениями. Важно отметить и то, что это прозвище дано было Вере дома её близкими людьми, что оно не было случайным и характеризовало героиню весьма точно.

Слово *madame* с семей 'общепринятое официальное обращение к женщине за границей' обозначает, с точки зрения Наташи, человека без чувств и неспособного чувствовать. Отсюда употребление в тексте словосочетаний с семей 'отсутствие чувства': *никогда не поймёшь, у тебя сердца нет, никогда никого не любила*.

Наташа очень хорошо понимает разницу между теми чувствами, которые испытывают Соня и Николай, она и Борис, и чувствами Веры и Берга. Отсюда как антонимы воспринимаются в тексте номинации *любила* и *кокетничай*: «Ты *кокетничай* с Бергом сколько хочешь, – проговорила она (Наташа. – О.Л.) скоро» [4: 61]. При этом слово *кокетничай*, восходящее к слову *кокетка*, заимствованному, по-видимому, из французского языка, имеет, с точки зрения этимологии, значения «петушиться», «важничать как петух» [9, т. I, с. 409]. В связи с этим данная лексическая единица приобретает семы 'отсутствие серьёзного чувства', 'лицемерие', 'театральное действо'.

Ключевым в анализируемом эпизоде является и слово *секрет* в значении «то, что не подлежит разглашению, что скрывается от других; тайна» [6, т. IV, с. 70]. По М. Фасмеру, слово *секрет* заимствовано из польского языка (*sekret*) или из французского (*secret*). Французское слово *secret* восходит, в свою очередь, к латинскому слову *sēcrētus* в значении «отделённый; скрытый; тайна» [3, т. III, с. 593].

Для Веры слово *секрет* – это не просто тайна. Оно скрывает нечто предосудительное. Отсюда использование в тексте номинации *дурное*: «– У каждого свои *секреты*. Мы тебя с Бергом не трогаем, – сказала Наташа, разгорячась.

– Я думаю, не трогаете, – сказала Вера, – потому что в моих поступках никогда ничего не может быть *дурного*. А вот я маменьке скажу, как ты с Борисом обходишься» [4: 60].

Слово *дурной*, по В.И. Далю, имеет следующее толкование: «нехороший во всёмъ отношеньяхъ; нескладный, некрасивый, безобразный; негодный, плохой; неприятный или гадкий» [5, т. I, с. 502].

Если речь идёт о человеке, то слово *дурной* восходит к значению «дурной нравственности» [5, т. I, с. 502]. То есть слово *дурной* приобретает в тексте семы ‘нарушение правил, принятых в светском обществе’, ‘глупый’, а также ‘предосудительный’, ‘заслуживающий порицания’.

С точки зрения Веры, всё поведение Наташи, Николая, Сони и Бориса заслуживает порицания. Ей не нравится то, что все они уединились в диванной, что Николай что-то переписывает, что молодые люди дружны и влюблены, что они счастливы. И все они после её замечания уходят в детскую, в мир, который Вере недоступен: «– Ну, добилась своего, – вмешался Николай, – наговорила всем неприятностей, расстроила всех. Пойдёмте в детскую» [4: 61]. Слово *детская* обозначает пространство, в котором человек может быть искренним, добрым и слушаться только своего сердца.

Описывая сцену в диванной, автор отмечает, что чувствовали герои во время разговора. Вначале все, по словам Николая, огорчены (Вера *расстроила всех*), потом вновь веселы («*Madame de Genlis! Madame de Genlis!* – проговорили *смеющиеся* голоса из-за двери» [4: 61]).

Самое большое впечатление произвели слова Веры на Наташу. Отсюда в тексте использование номинаций, словосочетаний с семами ‘настроение’, ‘чувства’, характеризующих состояние души молодой Ростовой, а также Сони. Это номинации *добра, ласкова, разгорячась, скучно; оскорбленным, дрожащим голосом* (о Наташе); *с виноватыми и счастливыми лицами взглянули на Веру* (о Наташе и Соне) [4: 60–61]. О Вере же говорится, что в ней вид влюблённых девочек «не возбуждал ... приятного чувства» [4: 60]. В конце эпизода сообщается, что красивую Веру этот разговор не взволновал, что она «улыбнулась и, видимо, не затронутая тем, что ей было сказано, подошла к зеркалу и оправила шарф и причёску: глядя на свое красивое лицо, она стала, по-видимому, еще холоднее и спокойнее» [4: 61].

Итак, устная коммуникация в художественном тексте фиксируется через диалог, номинации с семами ‘чувство’, ‘жест’, ‘настроение говорящих’, ‘место действия’, ключевые слова, слова, которые в среде посвящённых имеют особое значение и восходят к противопоставлениям «своё – чужое», «понимание – непонимание». По-

особому в процессе устной коммуникации выстраивается пространство дома, характеризуются герои и их взаимоотношения в семье.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лотман Ю.М.** Воспитание души. СПб.: «Искусство – СПб», 2005.
2. **Арутюнова Н.Д.** Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
3. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004.
4. **Толстой Л.Н.** Собрание сочинений. В 22-х томах. – М., «Худож. лит.», 1979–1985. Далее в скобках указаны том и страницы.
5. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988.
7. **Вайман С.Т.** Мерцающие смыслы. – М: Наследие, 1999.
8. Энциклопедический словарь. – Репринт. воспроизведение изд. Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон. 1890 г. – М.: Изд. Центр «ТЕРРА», 1991. Т. 22.
9. **Черных П.Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2001.

ORAL COMMUNICATION AS REFLECTION OF HOUSE SPACE IN THE WORKS OF L. N. TOLSTOY

Olga Lanskaya
(Lipetsk, Russia)

This article discusses features of oral communication in the work of L. Tolstoy. On the example of the episodes from the works of “Youth” and “War and Peace,” the author shows that oral communication is recorded in a literary text through dialogue, nominations with semas ‘feel’, ‘gesture’, ‘mood talking’, ‘locale’, keywords as well as words that are in an environment dedicated to have a special meaning, and go back to the opposition of “own – alien”, “understanding – misunderstanding.”

In the process of oral communication the space of the house is built particularly, the characters and their relationships within the family are particularly characterized.